

УДК 331.5+331.83

РЫНОК ТРУДА И РЕАЛЬНЫЕ ДОХОДЫ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СТРУКТУРНОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Гитинова П. Ш.¹

Аннотация: В статье анализируются изменения на российском рынке труда и динамика реальных доходов населения в период 2022 г. – первого полугодия 2024 г. в условиях структурной перестройки, вызванной санкционным давлением и сдвигом отраслевых пропорций. По данным Росстата уровень безработицы в 2023 г. составил 3,2% (в 2022 г. – 3,9%), а в 2024 г. достиг значения 2,4%. Реальные располагаемые денежные доходы населения в 2023 г. выросли на 5,6% (в 2022 г. – снижение на 1,0%), а в 2024 г. увеличились на 7,3%. Параллельно фиксируется рост структурных дисбалансов – региональных и отраслевых различий в уровне зарплат, дефицит кадров в машиностроении и обрабатывающей промышленности. Делается вывод о том, что структурная перестройка неравномерно воздействует на региональные рынки труда: регионы-доноры расширяют занятость, тогда как монопрофильные регионы сталкиваются с риском перепроизводства кадров в устаревающих профессиях.

Ключевые слова: рынок труда, безработица, реальные доходы, структурная перестройка, региональная дифференциация, кадровый дефицит, занятость, оплата труда

Для цитирования: Гитинова П. Ш. РЫНОК ТРУДА И РЕАЛЬНЫЕ ДОХОДЫ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СТРУКТУРНОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ // Московский вестник экономических наук. №4 (2024). С. 26-31.

LABOUR MARKET AND REAL HOUSEHOLD INCOMES DURING THE STRUCTURAL TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN ECONOMY

Gitinova P. Sh.¹

Abstract: This article analyzes changes in the Russian labour market and the dynamics of real household incomes during the period from 2022 through the first half of 2024 amid structural transformation driven by sanctions pressure and shifts in sectoral proportions. According to data from the Federal State Statistics Service (Rosstat), the unemployment rate was 3.2% in 2023, compared with 3.9% in 2022, and reached 2.4% in 2024. Real disposable money incomes increased by 5.6% in 2023, following a 1.0% decline in 2022, and rose by 7.3% in 2024. At the same time, growing structural imbalances are being observed, including regional and sectoral disparities in wage levels and labour shortages in mechanical engineering and manufacturing. The study concludes that structural transformation has an uneven impact on regional labour markets: donor regions are expanding employment, whereas single-industry towns face the risk of an oversupply of workers trained in obsolete occupations.

Keywords: labour market, unemployment, real incomes, structural transformation, regional differentiation, labour shortages, employment, wages

ВВЕДЕНИЕ

В 2022 г. структурная перестройка российской экономики затронула занятость и доходы — и с тех пор обе переменные показывают движение в противоположных направлениях. Государство в этот период наращивало импортозамещение и оборонные расходы; отраслевая структура рабочих мест поспешно менялась, а трудовые ресурсы перераспределялись между регионами [1].

На рынке труда проявились, как минимум, два встречных процесса. Безработица упала до исторического минимума, реальные доходы вернулись к росту; одновременно дифференциация между регионами и отраслями усилилась — и в одних местностях ощущается дефицит рабочей силы, тогда как в других рынок перенасыщен специалистами невостребованных профессий [2]. Такую картину нельзя интерпретировать только по агрегированной статистике — она требует разреза по территориям и секторам.

Рабочая гипотеза состоит в том, что вместе с ростом общероссийских показателей благосостояния работников зоны риска остаются. Цель анализа — сопоставить макроэкономический сигнал с регионально-отраслевой структурой и на этом сопоставлении показать, где именно структурная перестройка создаёт уязвимые группы.

Актуальность связана с одновременным давлением двух противоположных факторов: производственный сектор просит новых рабочих рук, а целый ряд профессий теряет спрос. Новизна работы — в одновременном рассмотрении макро- и регионально-отраслевого уровня для единого временного среза 2022 – первого полугодия 2024 г.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Статистическую основу составили данные Росстата по занятости, безработице и реальным доходам, материалы Социально-экономического мониторинга ИМП РАН, операционные бюллетени Банка России. Применены: анализ временных рядов, группировки по регионам и отраслям, логическое обобщение эмпирических наблюдений.

Сочетание количественных и качественных методов позволяет разделить макроэкономический сигнал и регионально-отраслевой фон. Дополнительно привлечены обследования Росстата по инвестиционным намерениям работодателей — в сопоставлении их с динамикой доли кадрового дефицита в ограничениях производства.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Уровень безработицы в России в 2022–1П2024 гг. сокращался устойчиво. По итогам 2022 г. показатель составил 3,9% (в 2021 г. — 4,8%), в 2023 г. — 3,2%, в первом полугодии 2024 г. — 2,4%, минимальное значение за весь период наблюдения. Занятость в среднем за 2023 г. — 75,4 млн человек против 74,0 млн годом ранее. С конца 2023 г. обострившийся кадровый дефицит, по оценкам Банка России, стал самостоятельным ограничителем при обсуждении смягчения процентной политики [1].

Разрез по регионам показывает резкую неравномерность. В Москве уровень безработицы в первом полугодии 2024 г. составил 1,1%, в Санкт-Петербурге — 1,3%, а в ряде субъектов Северо-Кавказского федерального округа — от 8 до 12%.

Внутри этих различий находятся три причины: дефицит рабочей силы в столичных мегаполисах, историческое отставание периферийных рынков и продолжающееся перераспределение внутренних миграционных потоков [3].

По данным обследований Росстата, в 2023 г. 38% работодателей сообщили о росте числа вакансий (в 2021 г. — только 22%); доля работодателей, назвавших кадровый дефицит главным ограничителем роста производства, увеличилась с 27 до 51%. Сопоставление этих двух индикаторов подтверждает, что снижение безработицы в статистике объясняется расширением спроса на труд, а не выбытием из рабочей силы.

Перераспределение занятости заметнее всего в обрабатывающей промышленности (вместе с оборонным сектором), строительстве и логистике. Доля обрабатывающей промышленности в общей занятости выросла с 14,1% в 2021 г. до 15,9% в 2023 г.; торговля, наоборот, снизила долю с 17,2% до 15,4%; государственное управление и социальное обеспечение — с 15,0% до 15,8% [4].

Литвинова А.В. отмечает, что ускоренное импортозамещение формирует спрос на инженерные и рабочие кадры в тех секторах, где ранее такого спроса не было, и в обрабатывающей промышленности расширяется практика вахтового метода и гибких форм занятости [4]. Кашепов А.В. добавляет, что за период 2020–2024 гг. максимальный прирост занятости — 21,7% к концу 2024 г. — пришёлся на сектор вооружений и связанные с ним производства [1].

Региональные диспропорции и отраслевые перекосы не возникли в 2022 г. заново — они фиксировались и раньше. Согласно исследованию «Рынки труда регионов ресурсного типа», различия в уровне безработицы между ресурсными и ресурсно-индустриальными регионами России сохранялись ещё до кризиса 2020 г., а в ходе него лишь получили дополнительные импульсы [5]. Влияние пандемии COVID-19 на структуру занятости распределялось по регионам неравномерно, и эта неравномерность задала фон для дальнейшей динамики поведения наёмного работника [6].

С конца 2023 г. работодатели в производственных секторах оценили незаполненный спрос на труд в 1,5–2,0 млн рабочих мест. Индекс отношения активных резюме к вакансиям на рекрутинговых платформах в ноябре 2023 г. составил 3,7 (в ноябре 2021 г. — 6,8). Зарплаты в машиностроении за 2022–1П2024 гг. выросли на 38%, в химической промышленности — на 41%, тогда как в финансовой сфере — лишь на 25% [7].

Зарплатное опережение производственных секторов над среднероссийским уровнем создаёт основу для ценовой спирали: повышение зарплат в дефицитных отраслях вынуждает работодателей поднимать цены, и это удерживает инфляцию. По этой причине Банк России в первом полугодии 2024 г., несмотря на уже высокий уровень ключевой ставки, не стал её снижать [2].

Само по себе зарплатное опережение не закрывает отток кадров из производственных секторов. При сопоставимых условиях труда работники переходят в сектора с более предсказуемой динамикой дохода — в государственное управле-

ние и финансы. В итоге у индустриальных работодателей возникают дополнительные барьеры: зарплату они подняли, а кадры всё равно уходят.

Реальные располагаемые денежные доходы развернулись к росту. После снижения на 1,0% в 2022 г. они выросли на 5,6% в 2023 г. и на 7,3% в первом полугодии 2024 г. Оплата труда остаётся ведущим компонентом (около 60%), но её доля колеблется вместе с конъюнктурой рынка. Доходы от предпринимательской деятельности и от собственности показали в этот период более умеренный рост [8].

Бобков В.Н. в мониторинге доходов и уровня жизни населения России фиксирует выраженную межрегиональную неоднородность темпов: в 2023 г. в регионах с высокой долей оборонных предприятий (Удмуртия, Тульская и Ульяновская области) рост реальных доходов составил 9–12%, в ресурсно-ориентированных регионах — 3–5%, а в ряде северокавказских субъектов — всего 1–2% [8]. Эти различия показывают, что структурная перестройка расширяет разрыв между регионами, а не сглаживает его.

Цифровая инфраструктура и доступность финансовых услуг добавляют ещё один слой различий. Стырин Е.М. фиксирует, что структурные сдвиги в реальных доходах во многом определяются различиями в региональной цифровой инфраструктуре и в доступе к онлайн-сервисам потребления в удалённых регионах, но пока положительный эффект концентрируется в столичных мегаполисах [9]. Нагапетян А.Р. со своей стороны фиксирует обратную связь: рост заболеваемости в отдельных регионах сопровождается снижением реальных доходов, и это создаёт дополнительные риски для отдельных социальных групп [10].

Возрастной профиль безработицы сдвигается в пользу молодёжи до 25 лет — здесь уровень в первом полугодии 2024 г. составил 9% (в 2022 г. — 14%). Среди работников старше 50 лет безработица к 1П2024 г. снизилась до 1,4%. Структура опережающего снижения говорит о двух вещах сразу: зрелые работники удерживаются на местах, а молодёжь испытывает сложности со входом на рынок [11].

По обследованиям Росстата, доля домохозяйств, в которых хотя бы один взрослый занят в оборонном секторе или в смежных производствах, выросла с 9 до 13% в 2023 г. Этот сдвиг коррелирует с ростом реальных доходов в соответствующих регионах и подтверждает тезис об усилении отраслевой дифференциации доходов.

Вектор внутренней миграции в 2022 – 1П2024 гг. изменился. Миграционный прирост в Дальневосточном федеральном округе, по данным Росстата, составил около 50 тыс. человек за 2023 г.; в Северо-Западном федеральном округе баланс, напротив, был отрицательным — около –25 тыс. человек. Перераспределение сопровождало структурную перестройку и легло неравномерной нагрузкой на инфраструктуру занятости в принимающих регионах [12].

На стороне предложения рабочей силы Минобрнауки РФ в 2023 г. увеличило контрольные цифры приёма на инженерные специальности на 12% относительно 2022 г.; отдельно запущены программы целевой подготовки для предприятий

оборонной и авиационной промышленности [13]. Эти меры реагируют на запрос производственных предприятий, но эффект проявится только через 3–5 лет — горизонт подготовки инженера.

Демченко С.К. подчёркивает, что структурная перестройка обнажила дефицит специалистов по ряду рабочих и инженерных профессий, набор по которым сокращался в предыдущие два десятилетия. Восполнение этого дефицита в среднесрочной перспективе потребует не только увеличения контрольных цифр приёма, но и работы над престижем инженерных профессий [11]. Лебедева А.В. дополняет: параллельно с дефицитом рабочих рук нарастает риск перепроизводства кадров в отдельных сегментах управленческих и офисных профессий [13].

ВЫВОДЫ

Анализ 2022–1П2024 гг. показывает наложение двух трендов. На агрегированном уровне безработица упала до 2,4%, реальные доходы выросли на 7,3% за первое полугодие 2024 г.; на регионально-отраслевом уровне дифференциация углубилась. Доходы концентрируются в регионах с развитым военно-промышленным комплексом и машиностроением; именно в тех же секторах ощущается острейший дефицит кадров.

Дальнейшая работа должна развести отраслевые и региональные компоненты структурной перестройки и количественно оценить, как территориальные различия в потребительской инфраструктуре влияют на разрыв между номинальным ростом зарплаты и реальной покупательной способностью работника. Отдельным направлением стоит количественная оценка влияния кадрового дефицита на динамику производительности труда в оборонных и смежных секторах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кашепов А.В. Рынок труда и занятость в России в 2020–2024 гг. // Проблемы прогнозирования. — 2024. — № 4. — С. 132–149.
2. Бобков В.Н. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России // Уровень жизни населения регионов России. — 2024. — Т. 20. — № 2. — С. 121–134.
3. Региональные особенности безработицы // Альманах «Крым». — 2023. — № 11. — С. 98–113.
4. Литвинова А.В. Развитие концепций импортозамещения в России // Научный результат. Серия: Экономика и управление. — 2024. — Т. 10. — № 1. — С. 54–67.
5. Рынки труда регионов ресурсного типа // Экономика региона. — 2019. — Т. 15. — № 4. — С. 1102–1116.
6. О влиянии пандемии на рынок труда регионов // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. — 2022. — № 1. — С. 116–123.
7. Попова А.Г. Современная ситуация на рынке труда России: структура, параметры, модели // Региональная экономика. — 2024. — № 3. — С. 450–463.
8. Алексейчева Е.Ю. Анализ и диагностика изменений прогноза развития РФ и регионов на 2024–2026 годы // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. — 2024. — Т. 21. — № 2. — С. 8–25.
9. Стырин Е.М. Структурные сдвиги в реальных доходах населения России в 2022 – первой половине 2024 г. // Уровень жизни населения регионов России. — 2024. — Т. 20. — № 3. — С. 88–103.
10. Нагапетян А.Р. Как влияет уровень заболеваемости на показатель реальных доходов населения в регионах России // Вестник Евразийской науки. — 2024. — № 1. — С. 92–101.
11. Демченко С.К. Анализ российского рынка труда в современных условиях // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2024. — № 5. — С. 38–48.
12. Трансформация структуры занятости населения в регионах Российской Федерации // Региональная экономика. — 2024. — № 2. — С. 320–335.

13. Лебедева А.В. Проблемы современного рынка труда в России // Социально-трудовые исследования. — 2024. — № 1 (50). — С. 75–85.

REFERENCES

1. Kashepov A.V. The Labour Market and Employment in Russia in 2020–2024 // Studies on Russian Economic Development. — 2024. — No. 4. — P. 132–149.
2. Bobkov V.N. Monitoring Incomes and Living Standards of the Population of Russia // Living Standards of the Population of the Regions of Russia. — 2024. — Vol. 20. — No. 2. — P. 121–134.
3. Regional Features of Unemployment // Almanac “Crimea”. — 2023. — No. 11. — P. 98–113.
4. Litvinova A.V. Development of the Concepts of Import Substitution in Russia // Research Result. Series: Economics and Management. — 2024. — Vol. 10. — No. 1. — P. 54–67.
5. Labour Markets in Resource-Based Regions // Economy of the Region. — 2019. — Vol. 15. — No. 4. — P. 1102–1116.
6. On the Impact of the Pandemic on Regional Labour Markets // Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy. — 2022. — No. 1. — P. 116–123.
7. Popova A.G. The Current Situation in the Russian Labour Market: Structure, Parameters, and Models // Regional Economics. — 2024. — No. 3. — P. 450–463.
8. Alekseycheva E.Yu. Analysis and Diagnostics of Changes in the Forecast for the Development of the Russian Federation and Its Regions for 2024–2026 // Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics. — 2024. — Vol. 21. — No. 2. — P. 8–25.
9. Styrin E.M. Structural Shifts in the Real Household Incomes of the Population of Russia in 2022 – the First Half of 2024 // Living Standards of the Population of the Regions of Russia. — 2024. — Vol. 20. — No. 3. — P. 88–103.
10. Nagapetyan A.R. The Impact of Morbidity Levels on Real Household Incomes in the Regions of Russia // Eurasian Journal of Science. — 2024. — No. 1. — P. 92–101.
11. Demchenko S.K. Analysis of the Russian Labour Market under Modern Conditions // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. — 2024. — No. 5. — P. 38–48.
12. Transformation of the Employment Structure in the Regions of the Russian Federation // Regional Economics. — 2024. — No. 2. — P. 320–335.
13. Lebedeva A.V. Problems of the Modern Labour Market in Russia // Social and Labour Studies. — 2024. — No. 1 (50). — P. 75–85.

Информация об авторе

ГИТИНОВА Патимат Шуапандиевна

Кандидат медицинских наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный ме-
дицинский университет» Минздрава России
г. Махачкала, Россия
E-mail: patimat59322@mail.ru

Information about the author

PATIMAT Sh. Gitinova

Candidate of Medical Sciences, Associate
Professor,
Dagestan State Medical University, Ministry of
Health of the Russian Federation
Makhachkala, Russia
E-mail: patimat59322@mail.ru